

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 266

31 октября 2024 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя С., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе С. от 14 июня 2024 года (вх. № ... от 19.06.2024) в отношении адвоката Р. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 07 августа 2024 года вынесла заключение:

– о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Р. своих профессиональных обязанностей перед доверителем С., что выразилось в том, что он, приняв 07 марта 2024 года поручение на осуществление представительства интересов доверителя С. на основании заключенного Соглашения об оказании юридической помощи от 07 марта 2024 года, не явился 26 апреля 2024 года без уважительной причины в судебные заседания ... районного суда города ... по делам № ... и № ..., в которых были рассмотрены жалобы С. на бездействие сотрудников правоохранительных органов и постановлены судебные акты об отказе доверителю С. в удовлетворении ее требований, тем самым адвокат Р. оставил доверителя С. в указанных судебных заседаниях без квалифицированной юридической помощи;

– о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7, п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката и Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, принятых на заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы 29 сентября 2014 года, исполнении

адвокатом Р. своих профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившемся в том, что, заключив 07 марта 2024 года с доверителем С. Соглашение об оказании юридической помощи, адвокат Р. не выдал доверителю С. экземпляр данного Соглашения об оказании юридической помощи;

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Р. по жалобе С. от 14 июня 2024 года (вх. № ... от 19.06.2024), в части требования С. о возврате ей адвокатом Р. 570 000 рублей и в части оценки доверителем С. действий адвоката Р. по составлению им Акта выполненных работ (оказанной юридической помощи) от 11 апреля 2024 года, который С. считает подложным, в связи с чем считает, что действия адвоката Р. по оформлению Акта выполненных работ (оказанной юридической помощи) от 11 апреля 2024 года содержат признаки совершения им преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Р. по жалобе С. от 14 июня 2024 года (вх. № ... от 19.06.2024), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Р., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, подал письменное заявление о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие, в котором также указал, что с заключением Квалификационной комиссии не согласен в части признанных в его действиях нарушений. Получение доверителем С. экземпляра Соглашения прямо подтверждено его пунктом и ее подписью в нем. Полагает, что позиция по жалобам, в том числе относительно его неявки в судебные заседания 26 апреля 2024 года, была согласована с доверителем, а выезд в эти судебные заседания не был ему оплачен. Кроме того, считает пропущенным срок рассмотрения Советом настоящего дисциплинарного производства и просит его прекратить (вх. № ... от 30.10.2024).

Совет, учитывая указанные обстоятельства и руководствуясь п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившегося адвоката Р.

Заявитель С. в заседании Совета пояснила, что заключение Квалификационной комиссии получила, с его выводами согласна. Все приведенные в ее жалобе доводы соответствуют действительности, и она на них настаивает. Ей известно, что адвокат Р. имеет в городе ... свой офис, в котором работает на постоянной основе и ведет прием граждан, поэтому она

не могла и предположить, что он будет опровергать факт получения от нее денежных средств.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, заслушав заявителя С., признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, но с ее выводами соглашается частично и считает необходимым изменить объем дисциплинарных обвинений. Приходя к такому выводу, Совет исходит из следующего.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 07 марта 2024 года заявитель С. обратилась за получением юридической помощи к адвокату Р., который в этот же день заключил с ней в простой письменной форме соглашение об оказании юридической помощи. Предметом соглашения являлось отстаивание интересов С. по ранее поданным заявлениям (обращениям), связанным с возможными неправомерными действиями со стороны А.

Согласно пп. 3.1 указанного соглашения, размер вознаграждения адвоката Р. составил 570 000 рублей, при этом денежная сумма в размере 50% от стоимости по настоящему соглашению удерживается адвокатом ежемесячно за текущий месяц и возврату не подлежит вне зависимости от сроков и объемов выполненной адвокатом работы.

Заявителем жалобы С. в отношении адвоката Р. выдвинуты дисциплинарные обвинения в том, что он:

без уважительной причины не явился в судебные заседания ... районного суда города ... 26 апреля 2024 года по делам № ... и № ..., в которых жалобы С. были рассмотрены по существу и вынесены постановления об отказе в их удовлетворении. Тем самым адвокат Р. оставил ее без квалифицированной юридической помощи в нарушение принятых им на себя обязательств по указанному Соглашению;

не выдал С. ее экземпляр соглашения об оказании юридической помощи от 07 марта 2023 года, оформленный в установленном законом порядке;

получив от С. в оплату своего вознаграждения наличные денежные средства в размере 570 000 рублей, не выдал ей квитанции или расписки, подтверждающие получение им денежных средств;

не возвращает 570 000 рублей, переданных ею наличными адвокату Р. в качестве его вознаграждения по заключенному с ним Соглашению;

подделал подпись доверителя С. на Акте выполненных работ (оказанной юридической помощи) от 11 апреля 2024 года, и в его действиях содержатся признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в оставлении адвокатом Р. доверителя С. 26 апреля 2024 года без квалифицированной юридической помощи в судебных заседаниях ... районного суда города ... при рассмотрении ее жалоб, в удовлетворении которых судом было отказано, Совет приходит к выводу о его обоснованности.

Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства и указано выше, по Соглашению от 07 марта 2024 года адвокат Р. принял

поручение по отстаиванию интересов С. по ранее поданным ею заявлениям (обращениям), связанным с возможными неправомерными действиями со стороны А. В ... районном суде города ... подлежало рассмотрению два материала: № ... и № ... по жалобам С., поданным в прядке ст. 125 УПК РФ на бездействие полиции. 11 апреля 2024 года адвокат Р. совместно с доверителем С. участвовал в судебных заседаниях по указанным делам, а в судебные заседания по ним же 26 апреля 2024 года не явился.

В этот день адвокат Р. подал в суд два идентичных ходатайства по каждому из дел, в которых указал следующее [*Орфография и пунктуация сохранены – Примечание Совета*]: «Считаем, что факт бездействия со стороны, обжалуемого действий (бездействий) должностного лица, имел место быть, т.е., до начала судебного заседания, так и в ходе него, запрашиваемый материал фактически представлен не был, обжалуемое лицо в судебное заседание назначенного на 11.04.2024 года не явился, своих пояснений не представил, следовательно, заявленные требования подлежат удовлетворению в полном объеме». В просительной части ходатайств содержались просьбы об их рассмотрении и приобщении к материалам дела, о проведении судебного заседания «без нашего участия», об удовлетворении заявленных требований в полном объеме. При этом ни о своей неявке в суд, ни о подаче указанных ходатайств адвокат Р. доверителя С. в известность не поставил.

Заявитель С., будучи уверенной в явке и участии адвоката Р. 26 апреля 2024 года в судебных заседаниях по обоим делам, в суд не явилась. В этот же день судом были вынесены постановления об отказе в удовлетворении обеих жалоб. С. стало известно об этом лишь 08 мая 2024 года и не от адвоката Р., а от помощника судьи ... районного суда города ..., которому С. позвонила по личной инициативе. Указанные обстоятельства адвокатом Р. не оспариваются. Вместе с тем, как следует из его объяснений в ходе дисциплинарного разбирательства, он полагает, что был вправе просить суд о рассмотрении материалов в свое отсутствие, и эти его действия не образуют дисциплинарного нарушения. Кроме того, полагает, что при вынесении постановления суд основывается на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании, а не на том, присутствовал ли представитель в судебном заседании или нет.

Совет, отклоняя эти доводы адвоката Р. как несостоятельные, отмечает, что пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливают обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя. Данные законоположения подразумевают, что адвокат, оказывая юридическую помощь, обязан действовать в отношениях с доверителем профессионально, квалифицированно и своевременно выполнять принятые на себя обязательства перед доверителем. По этой причине личное участие адвоката в судебных заседаниях по делу доверителя, с которым у него заключено

соглашение об оказании юридической помощи в виде судебного представительства, является профессиональной обязанностью адвоката.

Включение адвокатом в соглашение с доверителем каких бы то ни было условий, противоречащих законодательству об адвокатской деятельности и адвокатуре, в том числе Кодексу профессиональной этики адвоката, во-первых, недопустимо, а во-вторых, ни в коей мере не освобождает адвоката от исполнения указанных обязательных требований. По этой причине ссылка адвоката Р. на пп. 2.2.3 Соглашения от 07 марта 2024 года об оказании юридической помощи С., согласно которому адвокат вправе просить суд о рассмотрении дела в отсутствие адвоката, несостоятельна и также отклоняется Советом.

Не менее ущербна и несостоятельна ссылка адвоката Р. на то, что суд основывает свое решение на исследованных доказательствах, а не исходя из того, присутствовал ли представитель в судебном заседании. Это заявление адвоката свидетельствует о непонимании им существа принципов состязательности и непосредственности судебного разбирательства и, как следствие, о непонимании того очевидного обстоятельства, что участник судебного разбирательства, игнорирующий свое участие в судебном заседании, лишает себя возможности своевременно узнать о представленных другими участниками доказательствах, их ходатайствах и заявлениях и своевременно и надлежащим образом отреагировать на них.

Помимо этого, Совет отмечает, что адвокат Р. не ссылается на какие-либо уважительные причины неявки в судебные заседания 26 апреля 2024 года. Неоплата ему авансом расходов на поездку в суд к таким причинам заведомо относиться не может.

При указанных обстоятельствах Совет приходит к выводу об умышленной, в нарушение принятых им на себя обязательств, неявке адвоката Р. без уважительных причин в указанные судебные заседания 26 апреля 2024 года, приведшей к оставлению доверителя С. без квалифицированной юридической помощи. Презумпцию добросовестности адвоката Р. в данной части Совет признает опровергнутой.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в невыдаче адвокатом Р. заявителю С. ее экземпляра Соглашения об оказании юридической помощи от 07 марта 2024 года, Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о наличии в действиях адвоката Р. дисциплинарного нарушения. Правильно установив и изложив в заключении соответствующие фактические обстоятельства, Квалификационная комиссия дала им неверную правовую оценку.

Так, свой вывод о невыдаче адвокатом Р. доверителю С. надлежащим образом оформленного ее экземпляра Соглашения Квалификационная комиссия обосновала лишь отсутствием расписки С. в его получении. Однако Комиссия не учла то обстоятельства, что из содержания подп. 6.4 указанного Соглашения, подписанного С., ясно следует, что она получила экземпляр Соглашения: «...Доверитель экземпляр Соглашения, реквизиты счета для перечисления в адвокатскую палату «...» города Москвы получил». По

мнению Квалификационной комиссии, единственным доказательством получения доверителем экземпляра соглашения может являться только расписка С., выполненная в виде отдельного документа либо на экземпляре соглашения, который находится у адвоката. Однако такая позиция не основана на требованиях законодательства и профессиональной этики, равно как и на содержании п. 1 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденных Советом 29 сентября 2014 года, согласно которому «...в соответствии со ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашение заключается между доверителем и адвокатом (адвокатами) в двух экземплярах. Получение, равно как и отказ в получении, доверителем экземпляра соглашения должны быть подтверждены его подписью на экземпляре, остающемся у адвоката».

Как описано выше, это требование выполнено адвокатом Р. путем внесения в п. 6.4 Соглашения приведенного выше подтверждения получения его экземпляра. При этом подпись доверителя С., подтверждающая ее согласие, в том числе, и с этим подтверждением, на Соглашении проставлена, и экземпляр этого Соглашения имеется у адвоката Р. Из содержания п. 1 Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы, согласно его буквальному толкованию, не следует, что подтверждение доверителем получения экземпляра соглашения должно быть сделано лишь способом, указанным в заключении Комиссии, а именно в качестве отдельной расписки.

Приведенное выше содержание п. 6.4 Соглашения не вызывает сомнений в своей ясности, не представляет сложности в его понимании и при этом не противоречит никаким требованиям законодательства и профессиональной этики, а также указанного Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы. Соглашение подписано доверителем С., что ею не отрицается.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в толковании норм Кодекса профессиональной этики, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Р. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Р., получив от С. в оплату причитающегося ему по соглашению вознаграждения в сумме 570 000 рублей, не выдал ей документ, подтверждающий получение этих денежных средств, Совет отмечает следующее. Адвокат Р. отрицает получение от С. денежных средств, а заявитель С. факт передачи ему денежных средств ничем, кроме собственных слов, не подтвердила. По этой причине Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что дисциплинарное производство в данной части подлежит

прекращению, поскольку презумпция добросовестности адвоката не опровергнута.

Дисциплинарное обвинение в невозвращении адвокатом Р. 570 000 рублей, переданных в счет оплаты вознаграждения по соглашению об оказании юридической помощи, а также содержащаяся в жалобе С. просьба к Адвокатской палате города Москвы потребовать от него возвратить ей излишне полученные денежные средства, не могут быть рассмотрены по существу в настоящем дисциплинарном производстве в силу того, что находятся за пределами компетенции дисциплинарных органов адвокатского самоуправления.

Квалификационная комиссия и Совет Адвокатской палаты города Москвы не наделены полномочиями по разрешению возникшего между доверителем и адвокатом спора о размере выплаченного адвокату вознаграждения, обоснованности или необоснованности его размера. Подобные споры разрешаются путем переговоров либо судом в порядке гражданского судопроизводства. В связи с этим Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в том, что адвокат Р. подделал подпись С. на акте выполненных работ (оказанной юридической помощи) от 11 апреля 2024 года, и в его действиях содержатся признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ. Рассмотрение этого дисциплинарного обвинения также выходит за пределы компетенции органов адвокатского самоуправления, что свидетельствуют о недопустимости жалобы в этой части, поскольку Квалификационная комиссия и Совет адвокатской палаты города Москвы вправе устанавливать в действиях (бездействии) адвоката только признаки дисциплинарного проступка и применять к адвокату меры дисциплинарной ответственности. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно наказуемого деяния возможно лишь в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. По этой причине С. вправе в установленном УПК РФ порядке обратиться с соответствующим заявлением в органы, осуществляющие уголовное преследование, если считает, что для этого имеются законные основания.

Совет отклоняет довод адвоката Р. о том, что настоящее дисциплинарное производство не может быть рассмотрено Советом в связи с истечением двухмесячного срока на его рассмотрение. Совет в этой связи отмечает, что двухмесячный срок, предусмотренный п. 1 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, не является пресекательным, при этом все права адвоката Р. как участника дисциплинарного производства, в том числе право на участие в дисциплинарном разбирательстве, на ознакомление с заключением Квалификационной комиссии и принесение возражений на него, соблюдены и реализованы им в полной мере по своему усмотрению.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Р. за совершенное им дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание умышленный и грубый характер допущенного адвокатом дисциплинарного проступка, сопряженного с недопустимым игнорированием профессионально-этических предписаний и причинением вреда интересам доверителя, а также авторитету адвокатуры.

Подобное профессиональное поведение адвоката Р. свидетельствует о его недопустимом отношении к исполнению профессиональных обязанностей и наносит вред авторитету адвокатуры.

Вместе с тем, учитывая незначительный адвокатский стаж Р. и то, что ранее он к дисциплинарной ответственности не привлекался, Совет предоставляет ему возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, Совет считает необходимым напомнить адвокату Р. о том, что постоянное совершенствование знаний самостоятельно и повышение профессионального уровня в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и адвокатскими палатами субъектов Российской Федерации, является законодательно установленной обязанностью адвоката (пп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Р. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем С., выразившееся в том, что он, приняв 07 марта 2024 года поручение на представительство интересов доверителя С. на основании заключенного Соглашения об оказании юридической помощи от 07 марта 2024 года, не явился 26 апреля 2024 года без уважительной причины в судебные заседания ... районного суда города ... по делам № ... и № ..., в которых были рассмотрены жалобы С. на бездействие сотрудников

правоохранительных органов и постановлены судебные акты об отказе доверителю С. в удовлетворении ее требований. Тем самым адвокат Р. оставил доверителя С. в указанных судебных заседаниях без квалифицированной юридической помощи.

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Р. по жалобе С. от 14 июня 2024 года (вх. № ... от 19.06.2024):

в части невозврата адвокатом Р. 570 000 рублей и в части дисциплинарного обвинения в составлении им подложного Акта выполненных работ (оказанной юридической помощи) от 11 апреля 2024 года, в связи с чем заявитель С. считает, что действия адвоката Р. содержат признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, – вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С. Б. Зубков